

—
STUDIO
URBANICA

Темные финансы

FABIO MATTIOLI

DARK FINANCE

Illiquidity and
Authoritarianism
at the Margins
of Europe

Stanford University Press

2020

ФАБИО МАТТИОЛИ

ТЕМНЫЕ ФИНАНСЫ

Неликвидность
и авторитаризм
на окраинах
Европы

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2025

УДК 141.319.8

ББК 60.033.4

МЗЗ

Редакторы серии: Ната Волкова, Марат Невлютов

Маттиоли, Ф.

МЗЗ Темные финансы: неликвидность и авторитаризм на окраинах Европы / Фабио Маттиоли; пер. с англ. А. Белоусовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 304 с.: ил. (Серия STUDIA URBANICA)

ISBN 978-5-4448-2718-5

В 2010 году, когда большая часть мира еще не оправилась от кризиса 2008 года, правительство небогатой Македонии неожиданно объявило о запуске масштабного и дорогого проекта по реконструкции столицы — «Скопье-2014». Как урбанистическая среда превратилась в волшебное устройство для отмывания денег? Какими способами люди пытались вернуть себе субъектность в атмосфере финансовой неликвидности? Книга Фабио Маттиоли рассказывает истории предпринимателей-неудачников, рабочих, увязших в долгах, и честолюбивых бюрократов — и показывает, как финансовая экспансия на окраинах Европы превратила идентичности, ценности и надежды на экономическое благополучие в орудия подчинения. Фабио Маттиоли — социальный антрополог, преподаватель в Школе социальных и политических наук Университета Мельбурна, научный сотрудник в Центре искусственного интеллекта и цифровой этики. В 2021 году книга получила почетное упоминание Американской антропологической ассоциации, а в 2023 году — награду Общества экономической антропологии (SEA).

УДК 141.319.8

ББК 60.033.4

Фото на обложке публикуется с любезного разрешения фотографа: Michał Siarek, Archaeological Museum of Macedonia from series Alexander. www.alexander.michalsiarek.com

Dark Finance: Illiquidity and Authoritarianism at the Margins of Europe
by Fabio Mattioli published in English by Stanford University Press.

Copyright © 2020 by The Board of Trustees of the Leland Stanford Jr. University.
All rights reserved. This translation is published by arrangement
with Stanford University Press, www.sup.org

© А. Белоусова, перевод с английского, 2025

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

Содержание

<i>Иван Тарасов. Предисловие редактора</i>	7
Благодарности	15
Введение	18
История создания неликвидности в Македонии	18
Финансиализация и политика	22
Органическая политэкономия	29
Постсоциализм и финансовые кризисы	36
(Не)ликвидность и режим	40
Обзор глав	44
Глава 1. Магия строительства	48
Строительство и власть	55
Барочная связь	62
Иностранные валюты и социалистические финансы	65
Люди (многих) спецслужб	74
Китч, финансы и городские спекуляции	83
Неудобные сообщества	91
До Диснейленда и обратно	95
Глава 2. Финансиализация на периферии	101
Покидая тонущий корабль: надежды итальянцев на восточное Эльдorado	105
Иллюзии и инфраструктура финансов	110
Периферийная финансиализация между Востоком и Западом	115
Потерянный рай: опасности авторитаризма	124
Противоречивые ожидания	127
Экстрактивные ландшафты	130
Надежды рантье в европейском проекте	133
Финансовая экстракция и самоподобная периферализация	140

Глава 3. Навязанный кредит и компенсация	144
Множество оттенков бартера	148
Компенсация при социализме	152
Компенсация и транзит	159
Начало 2000-х: компенсация и уязвимость	161
Компенсация и мировой финансовый кризис	168
Пирамиды навязанных кредитов	174
Навязанный кредит и власть	179
Глава 4. Время неликвида	183
Объяснение нестыковок: распад временных циклов	189
Финансы и часовое время	193
Ожидание в неизвестности	196
Искривление настоящего и плетение будущего	202
Плетение времени, плетение отношений	206
Неожиданные последствия плетения времени	213
Глава 5. Спекулятивная маскулинность	219
Более равны, чем другие?	
Мужественность во время социализма и после	225
Постсоциалистические испытания	231
Управляя маскулинностью на рабочем месте	235
Соросиды, женщины и другие гейские штучки	240
Спекуляции о письмах и «маленьких мужчинах»	245
Невозможная мужественность и режим	252
Глава 6. Финансы и пиратское государство	256
Отношенческие финансы	260
Надежды и иллюзии рантье на периферии	265
Хищнический авторитаризм	271
Одна, сто или тысяча финансиализаций?	278
Список литературы	282

Предисловие редактора

Предисловие научного редактора перевода — не слишком устоявшийся формат. Это не рецензия — ее (наверное) должны делать авторитетные специалисты в области, первые читатели и критики. Рецензия — это первый шаг в рецепции текста в ту или иную интеллектуальную среду. Рецензент при таком взгляде если не нулевой пациент определенной идеи, то по крайней мере ее переносчик. Предисловие — это не краткое содержание: обычно сам автор раскрывает во введении или первых главах текста свой замысел или его структуру. В советском книгоиздании нередко самим книгам предшествовал большой комментарий главного редактора, редактора серии или научного переводчика. Основной сюжет таких предисловий — показать, как стоит читать и понимать публикуемый текст, объяснить, как он встраивается в картину доктрины идеологии. Но был и другой формат, который давал широкий исторический и отчасти антропологический контекст, например тамильского стихосложения в серии «Библиотека всемирной литературы». Существует и тяжелый, строго научный формат предисловий — как в четырехтомной серии «Хозяйства и общества» Вебера. Этот формат описывает проблемы и сложности, с которым сталкивался научный редактор скорее серии, чем книги, дает интерпретации текстов и отдельных глав. Это работа для интеллектуальной верхушки академической и издательской среды. Есть еще версия, когда предисловие — это попытка переосмысления: например, более чем 50-страничное предисловие О. Хархордина к «Нового времени не было» 2006 года. Есть редкий, но красивый формат «предисловие-как-дополнительный-текст» самого автора. Так, в качестве предисловия к «Обществу спектакля» от АСТ используется предисловие к четвертому итальянскому изданию 1979 года. Кажущееся на первый взгляд откровенно архивным и неуместным предисловие оказывается способом

упаковать два текста в один, когда основной раскрывается через реакцию автора на рецепцию текста в исторических событиях. А читатель оказывается наблюдателем третьего или четвертого порядка. Кроме того, бывают и переводы без предисловий, но причины их существования для меня являются загадкой.

Теперь, когда проявлены основные виды предисловий, скажу, что это предисловие не является ничем из перечисленного. Свою задачу я вижу не как калибровку того, как стоит понимать историю финансиализации одновременно далекой и похожей Македонии¹. Я хочу лишь показать контекст и расположить тезисы, от которых можно начать разговор/спор. Я предлагаю читателю не место у костра с обсуждением, а розжиг — кусок сухой бересты или газеты. А задача этого предисловия о предисловиях — правильно позиционировать дальнейшие слова о книге и о ее (возможной) роли.

Чтение предисловия и участие в разговоре является личным делом каждого. Если вы точно знаете, зачем вам эта книга, или, наоборот, хотите читать ее просто как зарисовки из жизни Македонии 10-летней давности, мое предисловие не сможет быть вам полезным. Но если у вас, как и у меня, есть интерес к антропологической работе, к попыткам увидеть за историей Македонии закономерности, я постараюсь вам помочь.

Фабио Маттиоли — социальный антрополог, преподаватель в Школе социальных и политических наук Мельбурнского университета и научный сотрудник в Центре искусственного интеллекта и цифровой этики. Бакалаврская степень получена в Университете Флоренции, магистерская — в престижной французской Высшей школе социальных наук (EHESS), а PhD — в Городском университете Нью-Йорка (City University of New York). Иными словами, Маттиоли — если не образец, то пример сильного международного исследователя, укорененного не в местной, а в глобальной

¹ Нынешнее название государства — Северная Македония, однако в момент написания диссертации Маттиоли и публикации английской книги оно носило название Республика Македония.

академии. Среди интересующих его областей—постсоциализм, антропология финансов и экономическая антропология, социальные исследования Восточной Европы, городская антропология. Согласно сайту Мельбурнского университета, в последние годы исследовательские проекты сместились в сторону новых технологий: теперь проекты связаны с инновациями в цифровой экономике, антропологический взгляд на сосуществование и интеграцию ИИ и человека и сопроизводство фейковых новостей людьми и алгоритмами социальных сетей. Это позволяет предположить, что Маттиоли в начале 2020-х, при переходе от PhD-исследователя к полноправному академическому сотруднику, сменил фокус интереса от регионализированного и более теоретического (финансы) к более практическим и более хайповым направлениям. Его последние статьи—о том, насколько приемлемой потребители из Австралии и Мексики считают работу с использованием новых технологий, в том числе связанных с искусственным интеллектом, при производстве вина, от дронов до «электронного носа» для анализа состава вина, или как основатели стартапов, участвующих в государственном акселераторе, выстраивают или создают свою легитимность. Не настолько интригующе, но более респектабельно, чем темные финансы, поглощающие Македонию.

Сама книга «Темные финансы», насколько удалось понять, является переработанной для широкой публики диссертацией. В 2021 году книга получила почетное упоминание Американской антропологической ассоциации, а в 2023 году—награду Общества экономической антропологии (SEA). И уже на этом моменте я хотел бы акцентировать внимание на судьбе книги. Будучи не антропологом, но представителем близкой научной сферы, я не могу вспомнить за последние годы широкой публикации, обсуждения и награждения несколькими ассоциациями какой-либо кандидатской диссертации. Или хотя бы публикации диссертации, пусть и не по антропологии, но по близким дисциплинам—психологии, социологии, социальной философии. Наверное, такие примеры можно найти, но мой тезис заключается в том, что на

русском языке публикации такого формата выходят исключительно редко. Книги исследователей небезызвестного фонда можно было бы назвать исключением, если бы исследования глубинки и околкриминальной занятости были бы интересны сравнительно широкому кругу читателей за пределами победителей и будущих победителей конкурсов фонда. Поэтому сформулирую так: в России пока не сформирована практика и публикации, и чтения (и письма) диссертаций для широкой публики, нет разных голосов, говорящих разное и о разном. И этот недостаток отечественного издательского дела позволяет подсветить два преимущества книги: она простая, и она не претендует на единственно верное описание своего объекта.

Эта книга действительно очень проста: вы можете предложить ее практически любому взрослому человеку, и он ее поймет, сможет сформулировать, что изучал и что хочет донести до нас Фабио Маттиоли. В ней есть несколько действительно сложных, академичных и насыщенных страниц, но практически все они находятся во введении и касаются концептуализации исследовательской части. Мы постарались сделать их более прозрачными, хотя задача таких предложений и абзацев — быть строгими и четкими, нежели интуитивно понятными. За исключением этих страниц остальная книга состоит из трех жанров — общего описания общественных событий в Македонии; этнографического описания конкретных случаев, наблюдений, разговоров; рассуждений, встраивающих описания в ряды и объяснительные цепочки.

Вторая сильная сторона книги: она не претендует на единственное верное описание Македонии, строительного сектора, мужественности или постсоветских практик взаимозачета. Работы отечественных антропологов часто ультимативно рассказывают об артефактах советского быта, системе власти в малых городах или рыболовстве эвенков так, как будто это жесткие вещи мира, не терпящие другой интерпретации. Я могу предположить, что причина этого в скрытой или очень простой концептуализации феноменов. Силы концептуализации хватает, чтобы указать на феномен, но не показать его краски, его контекст и хинтерланд.

Проблема с таким подходом в том, что он безальтернативен, он не позволяет обсуждать, если ты не согласен или видел другое. Можно лишь дополнять уже сказанное вариациями на тему. Но есть и другой подход: когда то, о чем в книге написано, и то, о чем книга рассказывает, — это разные вещи. Как Латур, описывая сложности процедур в бюрократическо-юридическом феномене Госсовета, рассказывает нам не про конкретный феномен парадоксального бюрократического института, а предлагает способ объяснения и описания мира на примере необычного, и потому выпуклого, феномена Госсовета. То же самое делает и Маттиоли: для него Македония лишь удачный пример того, как работают финансы, того, как происходит превращение и замещение всего финансами и финансовой логикой. Македония для него (по крайней мере, в этой книге) — пример периферии Европы, куда обновление и заемный международный капитал добрались в последнюю очередь. В одном из интервью он указывает, что его выводы о Македонии релевантны и для таких стран, как Турция, Венгрия или Индия, а судя по количеству ссылок на исследователей России — и для России. Но важно, что через Македонию здесь говорится о другом.

К моему большому разочарованию, здесь говорится не про города, архитектуру, строительство или дома. Она даже не про финансы и экспансию финансового сектора. Эта книга не ограничивается обличительными зарисовками про жизнь в постсоветской автократии, как интерпретировал книгу портал The Review of Democasy, — тут достается и коррумпированным чиновникам от Европарламента, и пожилым югославским разведчикам, и итальянским «предпринимателям». Македония и ее строительный сектор предстают контекстом, в котором происходит действие. Описываемое действие — парадоксальная финансиализация периферии Европы в момент экономического кризиса. Но все это вместе должно рассказывать нам о связности мира, о том, как выстраиваются отношения между центром и периферией, какую динамику они задают в самовосприятии и идентичностях жителей периферии Европы. О том, как пугающая автора политическая

система оказывается не более чем гипсовым львом на фасаде реплики античного здания. О том, что политика—это не столько про выборы, сколько про международные займы, рынок труда, отношения на рабочем месте и возможность разделить обед с коллегами.

Заинтересовавший Маттиоли сюжет—план «Скопье-2014». В 2010 году, когда большая часть мира только начала приходить в себя от кризиса 2008 года, правительство небольшой и небогатой Македонии внезапно объявляет о старте масштабного и дорогого плана городской реконструкции столицы. Абсурдность ситуации вызывает вопрос: как это возможно? Почему и за счет чего бедная Македония в момент, когда весь мир еще не перезапустил стройку после пузыря 2008 года, запускает процесс если не джентрификации, то городского обновления? Откуда на это должны появиться деньги у инвесторов, строителей и покупателей? Приблизительно с такими вопросами была начата работа, которая продолжилась полевым исследованием в 2013–2014 годах, а еще 7 лет спустя была признана как рассказ о впечатляющем исследовании. Для ответа на этот вопрос необходимо пройти по улицам бунтующего города, понять роль Македонии в экономике Югославии, разобраться в особенностях европейских программ экономического развития и увидеть способы, которыми прорабы на стройке пытаются водить за нос инспекции. Такие сюжеты составляют художественную, этнографическую и риторическую части исследования.

На мой взгляд, замечания о сальных шутках пожилого албанского инвестора-мутилы или зарисовка о самогоноварении у отставных силовиков не добавляют рациональности аргументации, но делают книгу ярче. И тут вскрывается ключевая проблема книги—она не очень убедительна. Может быть, дело в том, что у нас разные дисциплинарные представления об убедительности, или это во мне токсично говорит опыт постсоветского человека «и не такое видали», но аргументация Маттиоли не убеждает меня. Можно предположить, что это результат сокращений и специфичной «подготовки книги для широкой публики». В том, как

женщины-менеджеры заботятся о своих мужчинах-рабочих, как они вынуждены скромно и подчеркнуто по-деловому одеваться, я могу попытаться разглядеть многие феномены, но не увидеть поступь финансиализации от центра к периферии Европы. За дурными и похабными шуточками рабочих, сидящих без работы и оплаты на стройке, навряд ли стоит «авторитарный режим Груевского». Такую манеру общения наблюдатель обнаружит во множестве «трудовых коллективов» определенного типа: с временной занятостью, мужским разновозрастным составом с разной квалификацией, но сходным жизненным опытом. То же самое он увидит и на стройке в Аргентине, Канаде или Индии. А вот в других условиях — на нефтяных или газовых вахтах (где состав рабочих групп меняется реже), на совершенно неквалифицированных сезонных работах (как у сборщиков хмеля Оруэлла), в рейсах на рыболовных траулерах — и отношения внутри группы, и тип разговоров будут немного другими. И, к сожалению, это не только зарисовки, дополнения к основному аргументу. В таких сюжетах Маттиоли показывает нам, из чего составлена повседневная жизнь Македонии и власть финансиализации.

Такие риторические приемы, нагнетание, как в сериале 80-х «Спрут», заставляют ожидать развязки, что через все эти практики проявится настоящая Македония, настоящие македонцы, югославы и албанцы без влияния зловещего режима и всепроникающей финансиализации. Но в книге мы видим лишь отдельные практики разной степени порочности, коррумпированности, прозрачности и связности. Проникает ли власть режима во «все поры македонского общества»? У меня нет уверенности в этом. Вызвана ли перестройка македонского общества и особенности его политической жизни режима внешними силами? Отчасти да и отчасти нет. Можно согласиться с ключевым тезисом, что экспансия финансов на окраину Европы изменила, переформатировала и использовала идентичности местных жителей, опиралась на их надежды на процветание. Но была ли она орудием подчинения? Наверное, это слишком сильное, слишком политизированное, слишком яркое утверждение для такого рода работы.

Еще одно уязвимое место книги как академического издания — нехватка саморефлексии. Во введении есть пара абзацев, которые можно посчитать за попытку описать позицию автора, того, откуда ведется повествование, но они коротки и имеют формальный характер. В ситуации, когда существенная часть исследований является легендами для создания информационных поводов и информкомпаний, исследование на любую острую тему сложно не заподозрить в ангажированности. Описания такого рода не формальность, отвечающая требованиям этических комитетов, это предохранитель читателя от манипуляций. Мы можем быть хоть как-то уверены в точности наблюдений и честности суждений, только если знаем, что является их предпосылками, — то есть понимаем позицию автора. Позиция и суждения должны быть одного рода, быть просто связанными. Иначе, как нередко бывает в отечественных исследованиях, попадающих в СМИ, за высказываниями и выводами нетрудно разглядеть даже не уши, а цвет кожи кошелька заказчика работ. Но такой раздел, к сожалению, не является обязательным, хотя украсил бы практически любую работу по обществоведческим дисциплинам.

Обобщая, скажу, что эту книгу стоит читать. Читать в первую очередь как отпечаток работы другого мыслительного коллектива. Как документ, в котором можно обнаружить отношение «западной академии» к полевой работе, рефлексии исследователя, способу письма и аргументации, отношению к разным странам. И фигура автора тут также будет иметь значение. Эту книгу стоит читать как пример книг, формата которых у нас нет, но который тоже имеет свою ценность. Эту книгу можно рекомендовать почитать людям, просто интересующимся разным: постсоветской историей, Балканами, Македонией или финансами. И пусть не со всеми интерпретациями жизни на периферии от (теперь уже) австралийского антрополога можно согласиться, у книги множество других достоинств. В данном случае важно, как она сделана и о чем она рассказывает.

Благодарности

Книги, и в особенности по этнографии, не являются индивидуальными достижениями, несмотря на авторство, указанное на обложке. Эта книга была бы невозможна, если бы не помощь сотрудников Construx и других македонских компаний, которые приняли меня, несмотря на мои минимальные знания македонского языка и мою полную бесполезность для их работы. Для меня было честью облачиться в синюю спецодежду компании и разделить, пусть и со стороны, некоторые из трудностей ее работников.

Я в большом интеллектуальном долгу перед многими людьми. Кэтрин Вердери, Майкл Блим, Сета Лоу, Джефф Масковски, Дэвид Харви, Джули Скурски, Эмили Чаннел-Джастис, Дэвид Боренштейн, Наоми Адив, Джей Блэр, Юрай Анзулович, Андреина Торрес, Сайгун Гекариксель, Салим Карлитекин, Росио Хиль и другие способствовали созданию книги в годы моей учебы в Аспирантском центре Городского университета Нью-Йорка. Эмили Гребл, Сьюзан Вудворд, Мадиган Фихтер и члены Нью-Йоркского кружка (NYC Kruzhok) были потрясающими товарищами по дискуссии, с которыми я сформулировал многие из своих начальных идей. В Центре европейских и средиземноморских исследований Нью-Йоркского университета книга вызрела и приняла свою теперешнюю форму благодаря поддержке Ларри Вольфа, Розарио Форленца, Кристиана Мартина, Эрики Роблес-Андерсон, Лилли Чамли, Софи Гоник, Рикардо Кардосо и Лилианы Хиль. Но именно в Мельбурнском университете проект увидел свет благодаря активному участию Джона Кокса, Дебры Макдугал, Гарриетты Ричардс, Макса Холлерана, Мишель Кармоди, Карлы Уилсон, Кари Долгрэн, Синтии Сир, Тэмми Кон, Камео Далли, Моники Миннегал, Фионы Хейнс, Энди Доусона, Майкла Херцфельда, Аманды Гилбертсон, Калиссы Алексеефф, Эрин Фитц-Генри и многих других коллег из Школы социальных и политических наук.

Некоторые из ключевых идей этой книги были сформулированы в ходе мимолетных бесед с коллегами, с которыми меня сводили профессиональные перемещения, таких как Элизабет Данн, Лариса Куртович, Джессика Гринбергер, Сара Мьюир, Неринга Клумбите, Эндрю Гилберт, Матильда Кордоба-Азкарате, Клаудио Сопранцетти, Марек Микуш, Дана Джонсон и Алан Сمارт. Аарон З. Питлак, Дэниел Сулелес, Пол Лэнгли, Ана-Флавия Бадуэ и другие участники конференции Общества экономической антропологии 2017 года помогли мне развить мои представления о финансиализации. Большое спасибо Деборе Джеймс, Ивану Райковичу, Сохини Кар, Дзаире Тициане Лофранко, Антонио Пускеду и Рамоне Стаут, которые помогли улучшить несколько ранних черновиков.

Мне особенно повезло, что в моей работе принимали участие такие ученые из Македонии, как Горан Янев, Энди Граан, Кит Браун, Розита Димова, Дэйв Уилсон, Василики Неофотистос, Люпко Ристевски и другие коллеги из Института этнологии и антропологии Скопье, которые давали советы, приводили примеры и поддерживали контакты на протяжении десяти лет работы в этой стране. Тияна Радеска, Петар Тодоров, Гани Рамадани и Бранимир Йованович оказали мне огромную помощь в получении доступа к различным материалам, любезно делились ими за ужином и выпивкой.

Эта книга не состоялась бы без полного энтузиазма руководства Мишеля Липински и заботы всей редакционной команды Издательства Стэнфордского университета. В нынешний период нестабильности в издательском мире их приверженность интеллектуальным обменам и поддержка начинающих ученых были просто образцовыми. Несколько других институций оказали проекту финансовую и логистическую поддержку. Большое спасибо Совету по европейским исследованиям Колумбийского университета, Фонду Веннера-Грена, Аспирантскому центру Городского университета Нью-Йорка, Центру европейских и средиземноморских исследований, Институту Ремарка при Нью-Йоркском университете и Школе социальных и политических наук Мельбурнского университета.

Однако в наибольшем долгу эта книга перед теми наставниками, друзьями и товарищами, которые помогли мне найти путь в бурном море интеллектуальной, экономической и экзистенциальной неопределенности. Моя мать Кристина, мой отец Лучано и мой брат Федерико поддерживали меня своей непоколебимой верой. Пример моих бабушек и дедушек — Энрико, Норфы, Беппе и Марисы — и Маэстро Фаччини научил меня ценности, достоинству и поэтике тяжелого труда. Бела, моя спутница, крепко держала штурвал, пока мы пересекали три континента, приводя меня в неожиданные места, где мои мысли могли свободно блуждать, обретая полноту в гармонии с ее красотой.

Введение

История создания неликвидности в Македонии

Зима 2017 года. Туман опускается на Скопье как смертоносная, но милосердная пелена. Призрачное свечение озаряет улицы для нескольких офисных работников, быстро идущих между зданиями вдоль главных городских артерий. Поверх черных масок-респираторов периодически выглядывают голубые, карие и зеленые глаза. Кафе открыты, но пусты, напоминая глубокие вздохи в равномерном дыхании. Здания медленно возникают и исчезают в смоге, их силуэты смешиваются в тысячу химерных форм.

Когда Скопье оживает, это не приносит облегчения. Необарочные фасады расползаются, как пластиковые паразиты, по скелетам зданий социалистических времен. Бронзовые памятники национальным героям отражают звук шагов, распространяя эхо пустых обещаний великого будущего, разоблаченных хрупкими формами ветхих школ и больниц. В проеме небольшой триумфальной арки виднеются кучкующиеся новостройки, которые выросли как грибы после дождя на восточных окраинах—олигархи и правительство, которое спонсировало македонскую городскую экспансию, вероятно, считают их победой. Для жителей, подрядчиков и горожан они—тревожное свидетельство быстрорастущих долгов.

Израненный, измотанный, недоверчивый—современный Скопье восстанавливается после похмелья от строительного запоя, затянувшегося на десять лет. Предполагалось, что волна городского обновления, анонсированного в 2010 году и известного как «Скопье-2014», удержит на плаву экономику Македонии во время международной рецессии, последовавшей за ипотечным кризисом в США 2007 года—экономическим потрясением, которое на последующее десятилетие заморозило международные кредитные

рынки и повлекло за собой несколько кризисов ипотечного и государственного долга в Европе. В теории государственные кредиты, субсидировавшие план «Скопье-2014», представляли собой инвестицию, которая должна была предотвратить распространение финансовой нестабильности на Македонию, сделать страну узнаваемой и привлечь глобальный капитал. На практике средства доходили лишь до немногих компаний. Деньги словно испарялись, не успев добраться до местного бизнеса. Неоплаченные счета же, напротив, никуда не девались.

Как во многих других мировых столицах, спираль кредитования, сделавшая «Скопье-2014» возможным, возникла из пула ликвидных инвестиций, поддерживающих финансовую архитектуру современного капитализма. Необычным было разве что время ее появления. Глобальные кредиторы заинтересовались Македонией именно в тот момент, когда инвестиции в строительство по всей Европе считались безрассудством. Что еще важнее, их кредиты, казалось, предназначались для государственных структур, а не повторяли того неразборчивого поведения, что наблюдалось до глобального финансового кризиса. Правительство Македонии набрало долгов и — теоретически — наличности, которую можно было тратить, но удивительным образом македонский бизнес и граждане едва могли получить кредиты от частных банков или даже выплаты от госорганов. Для них Македония не была страной, купающейся в деньгах. Наоборот, казалось, что страна бедствует от нехватки ликвидности и несправедливых условий труда.

Для тех же, кто придумал необарочные фасады «Скопье-2014», рост строительного и финансового секторов Македонии был чрезвычайно прибыльным. Между 2006 и 2016 годами премьер-министр Македонии Никола Груевский, его двоюродный брат и руководитель службы безопасности страны Сашо Миялков вместе с узким кругом политиков и олигархов использовал ресурсы, предоставленные международными финансовыми организациями, чтобы завладеть активами и упрочить свой контроль над государством и обществом. Под звук ударов кувалд скрытно работали сети вымогательств, насильственных приобретений,

Илл. 1. Статуя Александра Великого появляется из зимнего тумана в Скопье (В русской традиции Александр Великий традиционно называется Македонским, в переводе сохранена версия оригинала)

политического насилия, арестов, неизбирательной прослушки и запугивания. С каждым евро, шедшим на обустройство городских пространств Скопье, режим Груевского становился физически ощутимым, производя впечатление сильного, реального и неизбежного.

Находясь в тисках безденежья и деспотичного режима, большинство македонцев чувствовали себя бессильными. Груевский, напротив, казался неприкосновенным, способным контролировать экономику страны и ответить на любые протесты или скандалы. Даже когда в 2015 году оппозиция опубликовала аудиозаписи, которые вскрывали преступления режима, Груевский и его партия «Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство» (ВМРО-ДПМНЕ) выстояли, оказавшись сильнейшей партией на выборах 2016 года и недосчитавшись всего нескольких мест до нового большинства.

И все же, когда режим, казалось, был готов пережить очередной кризис, он вдруг рассыпался. Вознамерившись помешать (хрупкой) коалиции создать новое правительство, ВМРО-ДПМНЕ

попыталась затормозить, бойкотировать и в конечном итоге физически оккупировать македонский парламент, организовав озлобленную толпу бандитов и ярых националистов. В минуты наступившего хаоса и насилия слухи о перевороте распространялись со скоростью лесного пожара. Охваченные паникой, мои друзья и собеседники звонили мне в Нью-Йорк. Они опасались, что армия поддержит режим, и ожидали, что президент Македонии Горге Иванов, ближайший соратник Груевского, объявит военное положение. После нескольких часов хаоса, однако, ничего не произошло. В своей речи Иванов призвал всех сохранять спокойствие. Находившийся в Вене Груевский последовал его примеру. Наконец, вмешалась полиция, удалив поддерживающих ВМРО-ДПМНЕ протестующих, — так аура неуязвимости, окружавшая режим, испарилась.

Как вышло, что режим Груевского, подчинивший себе сердца и умы македонцев, пал так стремительно? И если режим был таким могущественным, почему он оказался неспособным пойти на открытое, крупномасштабное политическое насилие, когда в этом была острая необходимость? Эта книга утверждает, что устойчивость и хрупкость македонского авторитаризма напрямую связаны с формами финансовой экспансии, переживаемой на периферии Европы. Представленное мной этнографическое исследование македонского строительного сектора свидетельствует о том, что режим Груевского процветал благодаря геополитической ценности, которую такая небольшая, окраинная страна, как Македония, обрела в ходе глобального финансового кризиса. Сумев получить доступ к финансовым ресурсам в период заморозки глобального кредитного рынка, Груевский вплел сложные слои финансовой зависимости в городской ландшафт.

В реконструкции Скопье финансовые схемы навязанного кредитования и иллюзорного богатства переплелись с формальными и сущностными процессами в ядре политической жизни Македонии. Вместо того чтобы быть функцией устройств учета или ликвидного капитала, финансы распространялись через пересечения и противостояния множества акторов. Финансовые

потоки следовали за властными играми таких фигур, как Груевский, который смог использовать в своих интересах одновременно и ожидание прибыли глобальных финансовых игроков, и жажду признания, которую выражали македонские граждане. В результате в стране, унаследовавшей черты финансовой периферии, возник особый вид неликвидности, где долговые отношения расширялись, но поток денег оставался централизованным и ограниченным. Неликвидность позволила Македонскому правительству на десятилетие монополизировать денежную массу и вынудить бизнес и частные лица согласиться с авторитарной политикой. Неликвидность, скорее усиливая, чем сглаживая финансовую эксплуатацию, ощутимую в Македонии, маскировала структурные зависимости режима—до тех пор, пока режима не стало.

Эта книга рассказывает истории предпринимателей-неудачников, рабочих, увязших в долгах, и честолюбивых бюрократов—и показывает, что экспансия финансов на окраинах Европы превратила идентичности, ценности и надежды на экономическое благополучие в орудия подчинения. Каждая глава предлагает исследование нового места, где столкнулись и переплелись друг с другом финансы и политика. В этой хронике событий авторитарный режим Македонии, оседлав волну финансовой экспансии, сначала проникает во все поры македонского общества и усиливает свое влияние, но в конце концов понимает, что, как и все спекулятивные пузыри, его власть всегда была на грани краха.

Финансиализация и политика

Большинство аспектов современной жизни—от продовольственного производства до образования, от ежедневных покупок до контроля за распространением заболеваний и предотвращения катастроф—становятся возможны благодаря долговому финансированию и связаны с ростом или сжатием финансовых рынков. Социологи называют это нарастающее влияние финансовых акторов, рынков и способов мышления финансиализацией—это

глобальный процесс, который все больше понимается как социальное, а не экономическое явление¹.

Тогда как ранние исследования экспансии финансов сосредоточивались на ее техническом и функциональном аспектах, благодаря мировому финансовому кризису стало вполне очевидно, что финансиализация пересекается с официальной (а также повседневной) политикой².

Уже в 1920-х годах мыслители-марксисты представляли расширение влияния финансов как классовый проект, в котором правящие классы использовали государственные структуры для расширения своего господства. По мнению Гильфердинга, финансовая экспансия была вызвана возникновением крупных монополий, в которых происходило сближение интересов богатейших слоев буржуазии и государственных бюрократов³. Столкнувшись с характерными кризисами сверхнакопления, финансовые элиты используют политическое влияние, законодательство и военную силу для открытия новых рынков и трансформации своего производственного капитала в финансовую прибыль. Как следствие, финансиализация привела к драматичным политическим событиям — от войн до смен режимов и (более или менее скрытых) форм колониализма⁴.

¹ Pitluck A. Z., Mattioli F., Souleles D. Finance Beyond Function: Three Causal Explanations for Financialization // *Economic Anthropology*. 2018. 5. № 2. P. 157–171.

² Mattioli F. Debt, Financialization, and Politics // *A Research Agenda for Economic Anthropology* / Ed. by J. Carrier. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2019. P. 56–73.

³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Гос. изд-во, 1922. Относительно сближения индустриальной и финансовой элит в Италии в 1930-х гг. см. Mattei C. E. Austerity and Repressive Politics: Italian Economists in the Early Years of the Fascist Government // *European Journal of the History of Economic Thought*. 2017. 24. № 5. P. 998–1026; и в США 1970-х гг. см. Ki Y. Industrial Firms and Financialization in Late Twentieth-Century America. Presented at the 30th Annual SASE Conference, Global Reordering: Prospects for Equality, Democracy, and Justice, Doshisha University, Kyoto, June 23–25.

⁴ Джованни Арриги полагает, что причина финансиализации лежит в ослаблении гегемонии, когда падение прибылей в доминирующих государствах тормозится релокацией производства, инвестициями в ВПК и колониализмом, что приводит к учащению международных конфликтов (Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso, 1994. P. 27–84). См. также Люксембург Р. Накопление капитала. М.; Л.: Гос. соц.-экон.

Экспансия и повышение ликвидности финансового капитала при этом также взаимосвязаны с более тонкими политическими процессами. Социологи под влиянием представлений Фуко о надзоре и дисциплине показали, что финансы воздействуют на коллективную и частную жизнь, переводя противоречивый социальный опыт в ясно считываемые формы. Эта новая идеологическая основа помогает представлять и лучше понимать социальные взаимоотношения¹. Через дискурсивные и перформативные практики ипотека, кредитные карты и алгоритмы переплавляют «общественные и семейные отношения в шестеренки глобальных спекулятивных финансовых стратегий»². Эти новые технологии распознавания пересматривают понятие «ценности», перестраивая не только стандарты оценки, но даже и субъективные процессы, с помощью которых граждане осмысляют самих себя и, в конечном счете, свои коллективные устремления³.

Чем более значимой составляющей общественной жизни становятся финансы, тем в большей мере их источники, траектории и воздействие формируются специфическими историческим, социальным и экономическим контекстом⁴. В этом контекстуальном

изд-во, 1934; *Harvey D.* The New Imperialism. New York: Oxford University Press, 2003; *Harvey D.* Limits to Capital. New York: Verso, 2007; *Пукетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2016.

¹ *Langley P.* The Everyday Life of Global Finance: Saving and Borrowing in Anglo-America. London: Oxford University Press, 2008. P. 20–41; *Martin R.* Financialization of Daily Life. Philadelphia: Temple University Press, 2002. P. 1–12.

² *García-Lamarca M., Kaika M.* «Mortgaged Lives»: The Biopolitics of Debt and Housing Financialisation // Transactions of the Institute of British Geographers. 2016. 41. № 3. P. 313–327.

³ *De Goede M.* Virtue, Fortune, and Faith: A Genealogy of Finance. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005; *Ho K.* Liquidated: An Ethnography of Wall Street. Durham, NC: Duke University Press, 2009; *Lazzarato M.* The Making of the Indebted Man: An Essay on the Neoliberal Condition. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.

⁴ См. например, *Krippner P.* Capitalizing on Crisis: The Political Origins of the Rise of Finance. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011; *Lapavistas C.* Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. London: Verso, 2013; *Karwowski E., Stockhammer E.* Financialisation in Emerging Economies: A Systematic Overview and Comparison with Anglo-Saxon Economies // Economic and Political Studies. 2017. 5. № 1. P. 60–86.

подходе определяющим для финансиализации и ее политического значения является то, как ее присваивают, применяют и встраивают в мораль отдельные сообщества акторов¹. Это, конечно, легко заметить в среде профессиональных финансистов, неуловимых глав центральных банков и менеджеров хедж-фондов², формирующих ее инфраструктуру в соответствии со своим мировоззрением. Но есть и многие другие, чьи действия имеют критическое значение для существования финансов: политические лидеры, приглашающие или заманивающие глобальных инвесторов³; менеджеры и бюрократы, которые стремятся заполучить контракты с кредитным финансированием, исполняют их или жонглируют ими⁴; рабочие, рассчитывающие подзаработать на финансовых сделках или вынужденные брать разорительные микрокредиты, чтобы избежать финансового банкротства⁵; и матери и жены, на которых возложена обязанность вносить свой вклад и защищать финансовую стабильность их семей⁶. Эти акторы встречаются

- ¹ Pellandini-Simányi L., Hammer F., Vargha Z. The Financialization of Everyday Life or the Domestication of Finance? How Mortgages Engage with Borrowers' Temporal Horizons, Relationships and Rationality in Hungary // *Cultural Studies*. 2015. 29. № 5–6. P. 733–759; Waters H.A. The Financialization of Help: Moneylenders as Economic Translators in the Debt-Based Economy // *Central Asian Survey*. 2018. 37. № 3. P. 403–418; Wilkis A. The Moral Power of Money: Morality and Economy in the Life of the Poor. Stanford, CA: Stanford University Press, 2017.
- ² Holmes D.R. Economy of Words: Communicative Imperatives in Central Banks. Chicago: University of Chicago Press, 2013; Tsingou E. Club Governance and the Making of Global Financial Rules // *Review of International Political Economy*. 2015. 22. № 2. P. 225–256; Zaloom C. Out of the Pits: Traders and Technology from Chicago to London. Chicago: University of Chicago Press, 2006.
- ³ Lagna A. Derivatives and the Financialisation of the Italian State // *New Political Economy*. 2016. 21. № 2. P. 167–186.
- ⁴ Kalaitzake M. The Political Power of Finance: The Institute of International Finance in the Greek Debt Crisis // *Politics & Society*. 2017. 45. № 3. P. 389–413.
- ⁵ Williams B. Debt for Sale: A Social History of the Credit Trap. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005; Elyachar J. Markets of Dispossession: NGOs, Economic Development, and the State in Cairo. Durham, NC: Duke University Press, 2005. P. 37–65.
- ⁶ Kusimba S. «It Is Easy for Women to Ask!»: Gender and Digital Finance in Kenya // *Economic Anthropology*. 2018. 5. № 2. P. 247–260; Badue A.F., Ribeiro F. Gendered Redistribution and Family Debt: The Ambiguities of a Cash Transfer Program in

с финансами, манипулируют ими и формируют их в разнообразных контекстах, изобилующих моральными дилеммами и противоречиями, находящимися под влиянием индивидуального опыта или стремлений в той же мере, в какой они ограничены, или обусловлены, трендами, которые задаются глобальными финансовыми игроками. Именно эти неравные встречи с открытым исходом делают финансиализацию реальной¹.

Это соображение приводит к концептуальной дилемме: если финансовая экспансия осуществляется множеством акторов, формируется множеством отношений и приводит ко множеству политических последствий, имеет ли все еще смысл говорить о финансиализации как о реальном, отдельном, целостном процессе? В конце концов, большинство сценариев, характерных для финансиализации (то есть получение кредитов, заключение долгового договора, покупка или продажа акций), не подразумевают прямого взаимодействия индивидов с реальными денежными потоками. На практике встречи с финансами предусматривают взаимодействие с чиновниками, долговыми коллекторами, бизнес-партнерами, кредитными скоринговыми системами, банковскими служащими и даже иногда программным обеспечением².

Должны ли мы ответить на этот непростой вопрос, отказавшись от представления о финансиализации как действительно существующем процессе в пользу «эффектов финансиализации», так же как в 1970-е годы ученые поставили под вопрос

Brazil // *Economic Anthropology*. 2018. 5. № 2. P. 261–273; Schuster C. *Social Collateral: Women and Microfinance in Paraguay's Smuggling Economy*. Oakland: University of California Press, 2015. P. 1–26.

¹ Bear L., Ho K., Tsing A., Yanagisako S. Gens: A Feminist Manifesto for the Study of Capitalism // *Theorizing the Contemporary, Cultural Anthropology* (website). 2015. April 30; Mattioli F. Debt, Financialization, and Politics // *A Research Agenda for Economic Anthropology* / Ed. by J. Carrier. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2019. P. 56–73; Konings M. Neoliberalism and the American State // *Critical Sociology*. 2010. 36. № 5. P. 741–765; Weiss H. Financialization and Its Discontents: Israelis Negotiating Pensions // *American Anthropologist*. 2015. 117. № 3. P. 506–518.

² Stout N. Petitioning a Giant: Debt, Reciprocity, and Mortgage Modification in the Sacramento Valley // *American Ethnologist*. 2016. 43. № 1. P. 158–171.

существование государства как предмета исследования?¹ Или нам следует преодолеть неопределенную природу понятия, уточнив его границы, и использовать финансиализацию только чтобы обозначать внедрение специфических режимов калькуляции, которые подчиняют финансовые процессы неолиберальным рынкам, что некоторые начали называть финансиализацией финансов?²

Ни одна из этих трактовок не будет продуктивной для таких мест, как Македония. Отказ от концепции финансиализации, отрицание какой-либо целостности ее существования или ограничение этого явления техническими аспектами затруднили бы понимание финансовой экспансии в периферийном контексте, где финансы предстают в особенно противоречивых формах по сравнению с теми, что наблюдаются в торговых залах Лондонской и Чикагской биржи. На этой мировой окраине финансовая экспансия может действовать через различные средства обмена и быть напрямую связана с действиями небольшой клики местных политических лидеров, которые «управляют государственными делами, задействуя методы и инструменты финансовых инноваций»³. Эти специфические формы политики, вовсе не являющиеся аномальными, разыгрываются в шизофренической симфонии глобального кредитования и, по сути, приоткрывают завесу над политическими процессами, которые делают возможными некоторые из наиболее абстрактных финансовых инноваций, регулирующих жизнь в ядре глобальной экономической системы.

¹ *Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // Journal of Historical Sociology. 1988. 1. № 1. P. 58–89; Mitchell T. The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics // American Political Science Review. 1991. 85. № 1. P. 77–96.*

² *См. van der Zwan N. Finance and Democracy: A Reappraisal. Paper Presented at the 30th Annual SASE Conference on Global Reordering: Prospects for Equality, Democracy, and Justice, Doshisha University, Kyoto, June 23–25, 2018; или Christophers B. The Limits to Financialization // Dialogues in Human Geography. 2015. 5. № 2. P. 183–200.*

³ *Lagna A. Derivatives and the Financialisation of the Italian State // New Political Economy. 2016. 21. № 2. P. 167–186. P. 168.*

Виды финансов, наблюдающиеся на мировых перифериях, предлагают третий вариант аналитического подхода к финансовализации: уйти от изучения технических аспектов финансов или сетей их главных операторов и вместо этого обратиться к политическому и экономическому ландшафтам, в которых разворачивается финансовая экспансия. Если финансовализация «порождается гетерогенностью и различиями, а также разнообразными стратегиями бытия и становления особенными типами людей, семей или сообществ»¹, то тогда технические, социальные и культурные процессы, характерные для финансовых элит, представляют собой лишь один из многих компонентов, образующих финансовализацию. В этой перспективе социоэкономический процесс финансовализации не является ни социальным актором, ни чертой специфической социальной группы, ни серией мимолетных эффектов. Финансовализация, скорее, аналитически определяет политическую и экономическую конъюнктуру, которая дает форму, определяет, поддерживает или структурирует финансовую экспансию — результат более или менее устойчивых взаимодействий, отношений и борьбы, — опосредованную историческим и материальным процессами, которые пересекаются с усилиями государства и отражают опыт общества в глобальной экономической системе².

¹ Bear L., Ho K., Tsing A., Yanagisako S. Gens: A Feminist Manifesto for the Study of Capitalism // *Theorizing the Contemporary*, Cultural Anthropology (website). 2015. April 30. См. также Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy: An Introduction to Supplement 9 // *Current Anthropology*. 2014. 55. Suppl. 9. P. S4–S16.

² Lagna A. Derivatives and the Financialisation of the Italian State // *New Political Economy*. 2016. 21. № 2. P. 167–186. Лагна показывает, что в то время как большинство правительств использует финансовые инструменты, они не делают этого в изоляции от глобальной динамики. Скорее, финансовализация представляет собой пространство, где глобальные повестки (в случае рассматриваемой им Италии — жесткая экономия, навязываемая Европой) могут благоприятствовать появлению внутренних политических лидеров (например, новой коалиции левоцентристских и неолиберальных реформаторов) и разрушать прежние сети власти (например, традиционных владельцев бизнеса, привыкших к процветанию за счет расходов, подпитываемых государственным долгом) из-за ограничения или расширения потока ликвидности и кредита.